

Божья Дудка

1.

... „Было утро. На столе пылел пухатый самовар, шумно выбрасывая в потолок густые клубы пара. Раскрасневшаяся, лимовидная матушка хлопотливо бежала из горницы в кухню, из кухни в кладовую с полными руками всевозможных корушек, пирожков, ~~солений~~ и помывок. Рядом, делая кушарка Матрена, громко попевывая и почесываясь, грохотала ухватками. А Дятюшка в новой праздничной рубашке тревожно шедла на дорожку“...

Так, ~~было~~ ^{и было} Гусев-Оренбургский ^{начинал} свои бесчисленные рассказы о деревенских по-
тах.

Да так почти ~~бывает~~ ^{и было} и в жизни: каждое утро у попов пылели ^{или} пухатые самовары, матушки их ^{были} ~~всегда~~ полнотельны и лимовидны. Кладовые ~~молились~~ ^{или} съ от благих давших голодного израиль. Работники откармливают ^{или} музусицкими пирогами по- ^{в жизни в про-} ^{голоде,} повских свиней. Не везде, правда, у Дятюшек работницы Матрены ^{были} скуласты и рывы, особенно, у вдовых, но — это уже писательская вольность Гусева-Оренбургского.

Так было и у нас, в Орловской.

~~Месца два, три назад.~~

Было полдень. На столе пылел пухатый самовар, — нешущенный, с проржавевшей решеткой, гудит-гудит контузсенный красноармейцами при прохождении денкинского фронта. Повидавшая за гражданскую войну кузькину мать матушка, шлепая расстрепанными лаптями, торопится рубила в кухне хворост. Рядом кушарка Матрены в кухне ~~нет~~, сердито ^{и было и} ^{ухватыв} грохотает ^{или} ухватками ^{или} ~~несому~~, — в кухне ^{или} холодно, грязно, по стенам и перже, как в последней музусицкой халупе, полувзводами, рассыпными строем и устят-

ли колоннаши ^{вани} снугои прусоки, клопы, мокрицы и прочая уживность. Благообразный и ласковый батюшка, из тех, кто бежал с белыми, вертел из "Бедноты" собаку подяку. Поповши играли в "церковь".

На дворе - сыкоть, дождь, снег. Брызуса водою, верлушки рахит порывисто кагают ветер. Батюшка то ^{вродит} вогдет в горницу и пошлудит на одобранные красноармейцами обои, то опит в ^{вращающ}воротничок в кухню. "Лицо его выражало тревожащее озадание".

- Слушай, мать, гел-не мы угостили-то их, - а? - Батюшка с угасом смотрит на синеватый, неместный кусок солины и скрыт коган кашусты. Брезливо тыкает перстом в грязную мосолну. - Неужто жич?

Цувствует, как у него сохнет во рту, как судорожно сжимается и падает сердце.

- Слышишь, мать?

- А по мне - хоть ничем, - равнодушно говорит попать. - Ты бы лучше помог наудить хвороста.

- Ах, оставь меня в покое! - раздраженно кричит он. - Знаешь, кто у нас будет - ели-скон!.. Ты с меня голову снимаешь!..

Редко-редко по улице проходят мушкетеры, закутаные в свиты. Тревожно и злѣко к оконным наличникам жмутся мокрые воробьи.

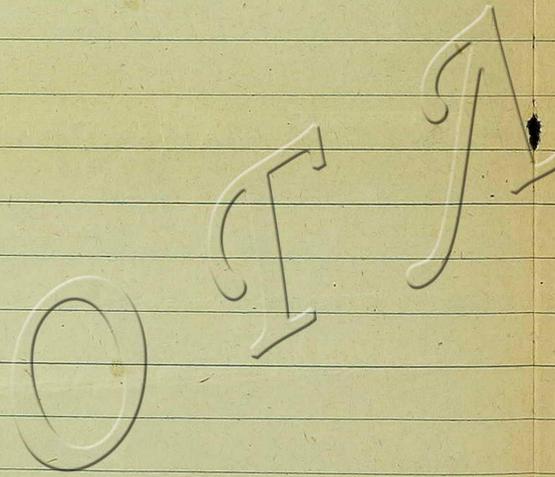
- Разверзлись хлябы небесные... - шепчет поп. - Превращаешь скалу в озеро воды и камень в источник вод...

Надильно ветает такав-же грызонав и строгинав осень недавней прошлого.

- Задать-бы!..

Поп хватается за голову и стонет.

Синие и красные лашпаны всадников. Взрывы ветхих деревянных мостов через речушки и ручьи. Жуткий грохот орудий и такаяущий напев пуле-

ОТДЕЛ ММД

ФОНДЫ
Музея И. С. Тургенева
№ 4916
апр

метов.

3.

- „Все леги вместе, не встали; потушили, как светильник, погасили“...

Как яркие цветы, распустившись были втоптанные в красную грязь надежды: погоны, порывок, снотосць, твердая власть вкупе с единою православною церковью, невестой неизвестною...

Но подуми проклятой северной снеговей и нанес тьмы вшивой саранги без бога в душе...

- „Как сон, как ночное сновидение было множество во всех народах, воюющих против Арцима, и всех, выступивших против него и укреплений его, и стеснивших его“...

Подуми проклятой снеговей, нанес тьмы саранги и „великая“ белая армия дрогнула и — как взвод, как шайка бандитов, грабь, убивая, насильствуя, сминала последний крест с мурзилки, — побуждала.

Батюшка помнит эти незаконные — незаконные вереницы мурзилочных обозов на еле живых пугатых лошаденках под проливным осенним дождем, под градом казацких козлаек... С ружьидью, сундуками, сеном, пустыми ящиками из под снарядов, картинками в золотеных рамках, связанными свиньями и овцами, узлами одежды и белья, усталыми коровами, самоварами, иконами, кучами овса, ветхостью, телеграфною и колочной проволокой, голодными детьми и аппаратами Юза, рельсами узкоколеек, подбитыми аэроплатанами, корзинами цусей и кур, бабыми топками, кипами газет и шетовок...

Бежа, неслась, как сумасшедшая, все сокрушая на пути, белая сила — цусейка навозная, грязная, вонючая, бело-генеральская.

А в телегах, среди флангой ружьидьи, валились кровотога, раненые и больные казаки, мобилизованные ново-оскольские мурзилки в шинелях с погонами,

попы, - сколько попов! - лавочки, деревенские кулаки, ингуши, учителя, мелкопоместные дворяне, какие-то толстые бабы - и он с ними, поп, до костей промокший, с тредником за пазухой и толстым узелком белья...

- „Изумляйтесь и дивитесь; они ослепили других, и сами ослепли; они - иблны, но не от вина, - шатаются, но не от сахара"... Зачем я взял тогда тредник?..

Батюшка наливает стакан крепкого чая, настоенного на пережаренных русацких суларях, отпивает шоток и тоскливо смотрит в окно.

- Да, было...

Были душистый утренний чай, ватрушки, маесо, коржники, вишневка, сливовка, спотыкака, раскрасневшаяся, шимовидная мафусака, толпы мирян на кухне, терпеливо ожидавших очереди: престинн, стафта, сивор; от церковной ограды почти ~~сходливо~~ ласково умидалась золотом струганых досок два-три гроба...

- Белоголовенькая? - шепчет батюшка. Могучий, протрогший, в епитрахили, пропахшей трупом и ладаном, он торопливо наливает стакан очищенной, приглядываясь к кусочку угля поочнее. - Ну, великий покой рабу... ~~кор жулашма~~ ~~вдохлаф~~ ~~кряк~~

- Папа!..

С ~~по~~ ~~встр~~ плачем к нему подбегает сынишка, о нем-то спрашивает.

- Ни чего, перестань... - ^{вдташва} ворюжет поп, мада тильную головку его.

- Он не даст мне ~~прихотель~~. - Мальчик ухаживает на братишку, в руках которого шишка с вареной свеклой.

- Курежаны, переганы, какое там прихотель...

Поп с Fosкою шьдит на обдранных детимек, не поделивших немощного бурака, на худую, отупевшую жену и не верит, что это он, поп, бесстыжво шегает в мешках грязи, слабый и худой, - ~~да~~ давно-ли это?

и что это?

